

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 205–213, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-205-213
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

Internal Median Formulas of Kalmyk Fairy Tales (Evidence from G. J. Ramstedt's Records)

Baira B. Goryaeva¹, Viktoriya V. Kukanova², Aleksandra. T. Bayanova³, Aisa O. Doleeva⁴

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Folklore Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: baira79@yandex.ru.

² Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ Head of Alekseeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

⁴ M. A., Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

Abstract

The article discusses the traditional formulas of Kalmyk fairy tales. Internal median formulas are determined by corresponding plots and play a significant role in fairy-tale texts defining the main characters and summarizing their most important actions. The fairy tales recorded by G. J. Ramstedt in the early 20th century reflect the actual poetic and stylistic tradition of the Kalmyks. The texts of the fairy tales are abundant in initial, median and final formulas. Following the classification introduced by the Romanian scientist N. Rosianu, the paper examines medial formulas from the Kalmyk fairy-tale texts. Those are 1) formulas that define images of fairy-tale characters or describe objects they possess, 2) formulas describing actions of fairy-tale characters, 3) formulas from dialogues (typical expressions of certain fairy-tale characters), 4) 'magic formulas', 5) formulas containing elements characteristic of initial formulas.

In the considered fairy tales, among the formulas that define images of fairy-tale characters or describe objects belonging to them, special attention is paid to a formula depicting the main character's beauty who is usually a *tengri* — 'inhabitant of Heaven'. Alongside this, another fairy tale contains an episode when the beauty of the heroine is associated with the fact that she was obsessed by a *shulma* ('a demonic creature'). The ability of *shulmas* to turn into beautiful girls is reflected in demonological views of the Kalmyks.

The analyzed texts primarily contain formulas that describe fairy-tale characters' actions: formulas that indicate long journeys of heroes; formulas depicting difficult tasks; a formula that conveys dual feelings of the character; a formula depicting the motif of the hero's visit to the other world; formulas of reward and punishment. Typical expressions of individual fairy-tale characters also act as formulas included in their dialogues.

The fairy tales recorded by G. J. Ramstedt are characterized by a 'modernization' (according to N. Rosianu) of the authentic traditional formulas — since the storyteller uses the modern concept of time when it comes to space and paths. The 'modernization' process testifies of some changes that had occurred in the social and economic life of the Kalmyk people. Still, the variation of stable stylistic structures with elements of the 'modernization' remains within the framework of the oral tradition of Kalmyk folklore.

Keywords: Kalmyk folklore, fairy tale, records, traditional formula, internal median formulas.

В 1903 г. Императорским Гельсингфорским университетом в лингвистическую экспедицию к волжским калмыкам был отправлен финский ученый Г. Й. Рамstedт. В течение двух месяцев он находился в Малодербетовском улусе при хуруле у База-бакши Менкеджуева. К ученому был приставлен Босхонджи-гелюнг, у которого были записаны «восемь длинных сказок» [Отчет... 1904: 11]. Пятнадцатилетний мальчик Бальдер, находившийся на службе у исследователя, также стал одним из информантов [Отчет... 1904: 12]. В своем отчете сам Г. Й. Рамstedт отмечал: «...поездка моя к калмыкам, как мне кажется, оказалась довольно удачною. Помимо различных записей, я произвел систематические наблюдения над фонетикой языка калмыков в его современном произношении, чего до сих пор совершенно не было сделано. Этих сведений нельзя почерпнуть из письменных памятников калмыцкого языка» [Отчет... 1904: 13].

Известный ученый во время поездки в Калмыцкие степи собрал обширный фольклорный материал [Отчет... 1904: 13]. Ранее нами рассматривался фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) [Горяева, Баянова, Бутаева, Куканова 2015; Горяева 2015].

В данной статье нами рассматриваются внутренние медиальные формулы на материале сказок, зафиксированных Г. Й. Рамstedтом и опубликованных им в двух частях [Kalmückische Sprachproben 1909; Kalmückische Sprachproben 1919].

Среди прочих фольклорных жанров сказки выделяются единством композиции и устойчивостью стилистических средств, в число которых входят традиционные формулы (инициальные, медиальные и финальные). По мнению М. Д. Медриша, «обнаружение общих стабильных моделей и изучение конкретных вариантов сказочных формул позволяет не только установить сферу распространения определенных типов формул, но и в конечном счете показать роль традиции и новаторства в применении сказочных формул, выявить, насколько возможно, национальную специфику этих формул» [Медриш 1980: 68].

Формула как «особая форма проявления фольклорной стереотипности» [Рошияну 1974: 10]) рассматривалась также и на калмыцком материале. Т. Г. Басангова вы-

делила в калмыцком героическом эпосе «Джангар» следующие формулы красоты: «формулы, связанные с солярным культом — сияние женщины, обладание волшебными свойствами и магическими действиями». Также она отмечала «использование сравнительных оборотов в описании портрета героини» [Басангова 2004]. Традиционные формулы являлись объектом изучения и в калмыцких волшебных сказках [Горяева 2011; Надбитова 2011].

Среди формул особое место занимают медиальные формулы, подразделяющиеся на внешние и внутренние [Рошияну 1974: 147–169]. Внешние медиальные формулы, служащие для усиления внимания слушателей в ходе повествования, в сказках, записанных Г. Й. Рамstedтом, не выявлены. Внутренние медиальные формулы сюжетно обусловлены и занимают значительное место в сказочном тексте, раскрывая главные образы и обобщая все важнейшие действия персонажей калмыцкой волшебной сказки [Горяева 2011: 86–104].

Н. Рошияну, исследуя тексты румынских сказок, в числе внутренних медиальных формул выделяет следующие подгруппы: 1) формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы; 2) формулы, описывающие действия сказочных персонажей; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей); 4) «магические формулы»; 5) формулы, содержащие элементы, характерные для инициальных формул [Рошияну 1974: 98]. Данная классификация может быть применима и для анализа традиционных формул калмыцкой сказки, в нашем случае сказочных текстов в записи Г. Й. Рамstedта.

Из формул первой подгруппы нами отмечена формула быстрого роста, являющегося признаком чудесного героя. В сказке под № 19 старуха по имени *Нальхан цаган ээджэ*, внезапно зачав, три года вынашивает сына, который родившись, «переночевав, [вырос так, что] пеленки из шкуры одного барана стало не хватать, деревянная колыбель из одного полена стала мала» (*Нег хонна, нег иргин арсн хучлһ эс курнэ, нег хожул модн өлгэ эс курнэ*) [Kalmückische Sprachproben 1919: 185]. Данная формула отмечена в волшебно-героической сказке и имеет рифму, так называемую аллитерацию (*нег — нег — нег*), которая является основным приемом образования рифмы в

калмыцкой устной традиции. В приведенном примере нами указана лишь первая часть формулы быстрого роста, в устойчивом стилистическом описании имеются еще две части: рост героя во второй и третий дни (рифма строится на повторении числительных *хойр* 'два' и *хурвн* 'три'). Здесь нужно отметить, что формула быстрого роста является отражением международного мотива, аналоги которого обнаруживаются в фольклоре многих народов мира. Данный мотив на материале калмыцких сказок и героического эпоса «Джангар» рассматривался в статьях Б. Э. Мутляевой [1978; 1982].

Среди формул, определяющих образ сказочных персонажей, в румынской сказке чаще всего встречаются формулы красоты героя [Рошияну 1974: 98]. А. И. Алиева приводит три разновидности формул женской красоты, встречаемые в адыгской сказке: 1) «самая красивая — та, у кого есть глаза и брови»; 2) часть тела — из золота; 3) формулы о прозрачности тела [Алиева 1986: 134–135]. Красота невесты героя в пенджабских сказках описывается в таких формулах, как «кусочек Луны», «восходящее солнце», «она плачет жемчугом, а когда смеется, изо рта падают цветы», «блеск ее тела такой сильный, что весь город светится лучами от блеска ее тела» и т. д. [Каушал 1988]. Г. Р. Хусаинова, исследуя тексты башкирских сказок, выделила следующие атрибутивные формулы: 1) светила как «части тела»; 2) «собственное» излучение света (без светил); 3) золото как «материал»; 4) «прозрачность»; 5) «следствия жестов, движений, эмоций» [Хусаинова 2000: 24–31].

В текстах калмыцких волшебных сказок формулы красоты включают четыре подгруппы: 1) небесные светила как «части тела»; 2) «собственное» излучение света (без светил); 3) персонажи, пораженные красотой героини (героя), забывают обо всем (о времени) или «сходят с ума»; 4) «следствия» жестов, движений, эмоций. Судя по выявленному материалу, изображение сказочной героини (реже героя) в большей степени складывалось на «атрибутивной» основе [Горяева 2011: 86–92].

В калмыцкой сказке, записанной Г. Й. Рамстедтом, красота героя-тенгрия, представителя верхнего мира, описывается следующей формулой: *Өрүн һарсн нарн болсн, асхн һарсн сар болсн* 'Ставший утренним взошедшим солнцем, ставший вечерним появившемся месяцем' [Kalmückische

Sprachproben 1909: 131]. Как видим, красота персонажа сравнивается с солнцем и месяцем. Чуть ранее в тексте этой же сказки красота персонажа передавалась сравнением: *Өмд бийн хурмд одсн тавн зун залуд орхн деер залу болна* 'Сам он оказался юношей лучше пятисот юношей, поехавших на свадьбу' [Kalmückische Sprachproben 1909: 128].

Отметим, что в других текстах красота женских персонажей обозначается эпитетом, выраженным прилагательным *сээхн* 'красивая': *нег баярн алдршн хаана сээхн куук* 'Красивую дочь одного прославленного своим богатством хана' [Kalmückische Sprachproben 1909: 7], а также этим же прилагательным в превосходной степени: *Орн гихнх нээмн йир сээхн куук үзнэ* 'Когда вошли, увидели восемь очень красивых девушек' [Kalmückische Sprachproben 1909: 5].

Заслуживает особого внимания эпизод, когда у отца героини, которая «становится неистово красивой», возникают сомнения по этому поводу. Ввиду его исключительности приведем этот эпизод: *Өмнн эк эцк үкрч, хаана үкрч куукна эцк: «Куукн һалзурад сээхрэд бээнэ». «Эн куукн юн гихэд сээхрэд бээнэ?» «Үүнд шулм орсн болвза, алхм болвза!» — гижэ өвгн эмгндэн келжэнэ. Куукн келжэнэ: «Куунэ мал өсхлэ, куунэ чирэд бээсн кир эрлдг биший? Намаг нээмтэд һагцхн үкртэ эс билүвидн? Ода хурвн жилин эргд дөчн улан үкртэ болв бишүвидн? Тиигхлэ куунэ кир эрлдг биший?» — гинэ, куукн. «А-а нам, тиимий?» гихэд, эк эцк хойр зогсна* 'Перед этим мать и отец — пастухи, отец девочки — ханской пастушки: «Дочь становится неистово красивой». «Эта девочка почему красивой становится?» «В нее шулма, может быть, вселилась, может, ее убить?» — говорит старик старухе своей. Девочка говорит: «Когда скот увеличивается, нечисть с лица человека разве не исчезает? Когда мне было восемь лет, разве у нас не было единственной коровы? Сейчас в течение трех лет разве мы не стали с сорока красными коровами? В этом случае разве не сходит нечисть с лица человека?» — говорит девочка. «А-а, так вот что» — сказав, мать и отец остановились' [Kalmückische Sprachproben 1919: 216]. Как видим, сверхъестественная, демоническая красота вызывает подозрение, но вполне рациональное объяснение *шулмуски*, отражающее тесную связь внешнего вида героини с увеличением численности коров, развеивает все сомнения стариков.

Способность *шулмусов* превращаться в прекрасных девушек отражена в демонологических представлениях калмыков [Басангова 2011]. В сказке, опубликованной Г. Й. Рамстедтом под № 15, чудесный помощник героя, «благодарный мертвец», расправляется с семьей *шулмусками* в облике старух, которые также именуются *мусами*.

В данную подгруппу внутренних медиальных формул Н. Рошияну включает также формулы, описывающие принадлежащие героям предметы.

В изучаемом материале продолжением сюжетного типа 567 «Чудесная птица» «Сравнительного указателя сюжетов» (далее — СУС) является сюжетный тип 518 «Обманутые лешие» как один из составляющих элементов сказок о невинно гонимых. Герои встречают трех человек, которые дерутся из-за волшебных предметов: *Үлдиг татад оркхла, эрдмтэ юмн: дурта һазртнь күргдг; махлань өмсэд оркхлань, күүнд үзгддг уга; кевс делгэд суучкхла, күн сууһад йовдг — иим эрдмтэ һурвн юмнж* ‘Если вынуть меч, он волшебный: в любое нужное место доставляет; если надеть шапку, люди не видят; если расстелить ковер и сесть, человек на нем летает — такие три волшебные вещи’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 30–31].

Среди внутренних медиальных формул калмыцких сказок наиболее широко представлена подгруппа формул, описывающих действия сказочных персонажей. Формулы, указывающие долгий путь героя: *Өдр сөөһин кемжэ медл уга йовад окна* ‘Скачет, не зная меры дням и ночам’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 7]; *Кесг цагтан йовад окна...* ‘Долгое время проехал...’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 33].

Выполняя трудные задания хана, главный герой отправляет мальчика за волшебным яблоком, растущим у места слияния неба и земли. Этот помощник героя во время долгого пути дает отдохнуть своему исхудавшему скакуну: *Көк девән өвсн, китн булгин уснд долан хонг бәэлһад оркв, мөрнь ик тарһлж оркв* ‘На зеленых луговых травах, холодной ключевой воде семь дней держал, конь потучнел’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 148].

Рассматривая формулы, называющие действия сказочного героя, Н. Рошияну подчеркивает особую роль некоторых глаголов, первое место среди которых занимают *ехать, идти*, указывающие на продол-

жительность пройденного героями расстояния [Рошияну 1974: 107].

На материале рассмотренных калмыцких сказочных текстов отметим следующие формы данной устойчивой стилистической структуры, включающей разные деепричастные формы глагола *йовх*, имеющего в калмыцком языке значения и ‘ехать’, и ‘идти’: *йова-йова йовтл* ‘пока ехал, ехал, ехал’ (3 случая употребления — в текстах №№ 9, 12, 19); *йова-йова, йова йовж* ‘ехал, ехал, ехал’ (3 случая употребления — в тексте № 15 и 1 раз — в тексте № 17); *йова-йова, йова-йова, йова йовж* ‘ехали-ехали, ехали-ехали, ехали’ (1 случай употребления — в тексте № 15).

Ведя кочевой образ жизни, калмыки в качестве средства передвижения использовали лошадей и верблюдов. Но в одной из сказок Г. Й. Рамстедта в формуле пути описывается вид транспорта, отличающийся от традиционного: *Улан царан унж авад, тач авад тавишулад, тагтын амар пиигүләд оддг болна* ‘[Старик], сев верхом на красного вола, натягивая поводья, заставляя его притоптывать, начало моста заставляя проскакивать, поехал’ [Kalmückische Sprachproben 1919: 20]. В сказке неслучайно в качестве ездового животного выступает красный вол, упоминаемый еще в зачине: это подчеркивает нищету стариков.

В другой сказке сюжетного типа СУС 567 «Чудесная птица» двое сыновей бедных стариков находят воробья. Формула, передающая чудесные свойства птицы, звучит следующим образом: *Тиигж бәэтл хойр көвүн негнь богшрһан толһаһинь идчкж, хан суудг, негнь барун далва идж, алтар баадг* ‘Плача, двое мальчиков, один голову воробья съел, [благодаря] которой ханом становятся, один правое крыло съел, [благодаря] которому золотом испражняются’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 29–30].

Общефольклорной можно назвать формулу, передающую двойственность чувств персонажа, расстающегося с сундуком, в котором хранится его внешняя душа: *Буру хэлэж ууляд, зөв хэлэж инәһад* ‘налево смотря, плача, направо смотря, смеясь’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 9]. Эта формула очень устойчива и присутствует в репертуаре современных сказителей, при этом следует отметить, что из области устной поэтико-стилевой традиции она переходит в обыденную речь (в частности, см. [Тягинова 2011]).

В отдельный блок можно выделить действия персонажей, связанные с выполнением трудных задач хана, отдающего свою дочь. Здесь четко разграничиваются волшебнo-фантастические и волшебнo-героические сказки. Так, в сказках, соотносимых с сюжетными типами раздела СУС «Чудесный супруг (супруга)» (в нашем случае СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)»), присутствует следующая формула, описывающая выполнение трудных задач: *Эмгн һарад, дөрвн үзгтнь цагв* ‘Старуха вышла, по четырем сторонам раскидала’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 125, 127]. В первом случае по четырем сторонам света разбрасывается просо, во втором рассыпается мука. Затем чудесным образом появляются золотой мост, три дворца без веревок-креплений и сооружения буддийского культа — *хурулы*. В данном случае отметим процесс «модернизации» (по Н. Рошияну), связанный с тем что, просо и мука покупаются на базаре: *Базрас одад, нег альчур зарм авад ирв, эмгн* ‘Старуха пошла на базар, купила и принесла просо в платке’. В ранних записях калмыцких сказок в подобных сюжетах используются степные травы, былинки и комья красной глины, как, например, в сказке «Моһа көвүн» [Хальмг туульс 1961: 204–206].

В сказке под № 18, имеющей волшебнo-героический характер, герой, чтобы заполучить в жены дочь *тенргия*, участвует в трех видах состязаний. Первое состязание — это стрельба из лука, во время которой нужно поразить несколько целей и доставить стрелу хану. Процесс стрельбы передается устойчивой формулой: *Үйн цаһан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхрулн харвад, Йи гидг һолыг ивт харвад, йисн эктэ түүмр шатаһад, делтрэри цокж унтраһад, халун сумиг авч ирэд, хаана альхн деер тэвв* ‘Ковыля перистого узел найдя, выстрелил, валун величиной с корову разломав, выстрелил, через реку, называемую *Йи*, стрела перелетела, зажгла пожар в девяти местах, потником седла прибив огонь, горячую стрелу принеся, положил на ладонь хану’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 147].

Второе состязание — доставить яблоко: *Альм авхулх юмн* ‘доставить яблоко’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 147].

Третье состязание претендентов на руку ханской дочери — борьба, которая ведется продолжительное время: *Кесг цагтан*

ноолдад, кезэ-яза ноолдсан мартн ноолдад ‘Долгое время боролся, боролся до тех пор, пока не забыл, когда начал бороться’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 149]. Вариант этой стереотипии строится на повторении деепричастной формы глагола *ноолдх* ‘бороться’: *Кесг цагт ноолдад ноолдад* ‘сражаясь некоторое время’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 34].

После долгой и упорной борьбы, иногда — временного поражения, герой одолевает противника. Расправа над врагом описывается с помощью следующей формулы: *Махинь цэкүр-цэкүр утлад, цандг болһнд хаяд, үй үйэр утлад, үзг болһнд хаяд окна* ‘Мясо его на кусочки порезав, по лужам раскидал, по суставам порезав, по сторонам света раскидал’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 34, 38, 144, 145; Kalmückische Sprachproben 1919: 195, 196]. Как видим, формула состоит из двух частей. Отмечены случаи использования одной из частей: *Махинь цэкүр-цэкүр утлад, цандг болһнд хаяд окна* [Kalmückische Sprachproben 1909: 36].

Еще одна формула расправы, зафиксированная в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, звучит следующим образом: *Эрвңгинь төгэлүлж утлж авад, амн деернь тэвэд окна* ‘Жир брюшной по кругу отрезав, на рот положил’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 34].

При этом следует отметить, что в текстах калмыцких сказок многим формулам рассмотренной второй подгруппы предшествуют формулы, входящие в диалог, типичные выражения отдельных сказочных персонажей (3-я подгруппа внутренних медиальных формул по Н. Рошияну). Например, прежде чем исполнить трудные задания хана, старик получает приказ их выполнить: *Чи эрвәннь үүднэс авн мини үүдн күртл тавн зун күн мөртэ күн йовх алтн тагт кезж ас! Тавн зун күн шүүрэд идв чигн, чилиго зер-земш урһа! Зу болсн зуңкван өмн бийднь буулһ, бум күңсн цахран ар бийднь буулһ! Тал дунднь орчлңас үрү дөрүхн дуту һурвн шар цоохр бэдиң ке!* ‘Ты от своих дверей до моих дверей возведи золотой мост, по которому пятьсот всадников могут проехать! Вырасти столько фруктов, чтобы пятьсот человек могли, срывая, наесться! Сто хурулов на южной стороне расположи, стотысячный сахар на северной стороне расположи. В центре сооруди три пестрых дворца ниже неба на четыре пальца!’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 124].

Невыполнение требований хана грозит смертью, что выражается устойчивым стилистическим средством: *Түнүг эс кехләчн уңгинчн уңд, даңгинчн даңд амрахн угав!* 'Если этого не выполнишь, то не оставлю тебя в покое во всех твоих поколениях всех твоих потомков!' [Kalmückische Sprachproben 1909: 124–125].

Перед тем как расправиться с поверженным врагом, герой согласно традиции спрашивает о его сожалениях и только после этого чинит над ним расправу. Иногда сказочное повествование так и не доходит до формулы расправы, так как главный герой становится побратимом поверженного врага, дав клятву прийти на помощь по первому зову.

Встреча и знакомство двух враждующих богатырей также представлены в диалоге персонажей: *Мини шовун ноха хойр алдг, намла хальддг юни эмтн бээнэч, нааран хар!*» — *гуж келв. «Чамла хальддг би бээнэ» гинэд, һарад ирв* «Моих птицу и собаку осмелившийся убить, на меня посягнуть осмелившийся кто здесь есть, а ну выходи!» — сказал' [Kalmückische Sprachproben 1909: 34].

Исход боя также сопровождается диалогом следующего содержания: *«Арһчн бээнү? Алдичн милэнэв. Амн һундлан кел!» — гив* «Есть у тебя еще возможность? Принесу тебя в жертву. Произнеси свои обиды!» — говорит' [Kalmückische Sprachproben 1909: 118].

Широко распространенная международная формула, отражающая присутствие героя в ином мире, выражена в рассмотренных сказках следующим образом: *Эн герт юн үмкэ цогц хорха орв?* 'В этом доме что за вонючий навозный жук появился?' [Kalmückische Sprachproben 1919: 234].

Диалог героя с чудесным помощником, который дает совет, также облекается в устойчивые типические формы: *—Чамд юн деер, сэн сөв деерий, мини альхн чинэн арсн деерий? —Чини арсар ю кехв? Сөвэн кел!* '—Что для тебя лучше, лучше хороший совет или лучше моя шкура величиной с ладонь? —Что делать с твоей шкурой? Говори совет свой!' [Kalmückische Sprachproben 1909: 8].

В эту же группу следует включить формулы награждения и наказания в двух вариациях.

Обозначаемые Н. Рошияну «магические формулы» также присутствуют в изученных текстах калмыцких сказок. Произнесе-

ние магической формулы призвано сократить дальний путь невинно гонимых брата и сестры, которых преследует мачеха-шул-муска: *Жилэ һазр сара болтха гуж зальврж йовтн! Сара һазр өдрэ болтха гуж зальврж йовтн! Өдрэ һазр часа болтха гуж зальврж йовтн!* 'Молитесь, чтобы расстояние года пути стало месячным! Молитесь, чтобы расстояние месяца пути стало дневным! Молитесь, чтобы расстояние дня пути стало часовым!' [Kalmückische Sprachproben 1919: 224]. Можно отметить «модернизацию» формулы, так как сказочник использует понятие времени при преодолении пространства и пути.

Таким образом, можно сказать, что записанные Г. Й. Рамstedтом в начале XX в. сказки отражают поэтико-стилевую традицию калмыцких народных сказок. В текстах сказок широко присутствуют инициальные, медиальные и финальные формулы. При этом вариативность устойчивых стилистических конструкций с элементами «модернизации» находится в рамках устной традиции калмыцкого фольклора. Анализ традиционных сказочных формул на материале записей Г. Й. Рамstedта еще раз доказывает утверждение о том, что сказителями усваивалась устная традиция как таковая, весь арсенал стилистических средств и приемов, когда клишированные структуры (от постоянных эпитетов до общих мест) использовались при создании фольклорного текста.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Й. Рамstedта)».

Литература

- Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
- Басангова Т. Г. Формула женской красоты в калмыцком фольклоре // Живопись как знак культуры (О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 171–173.
- Басангова Т. Г. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Научные исследования Тувы. № 2–3. 2011 [электронный ресурс] // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3794-basangova.html (дата обращения: 13.11.2016).
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система.

- Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- Каушал М. Сюжетно-тематический фонд, композиция и традиционные формулы индийских и русских волшебных сказок в сопоставительном освещении. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1988. 19 с.
- Медриш Л. Н. О своеобразии русской сказочной традиции: национальная специфика сказочных формул // Фольклорная традиция и литература. Владимир: Изд. Владимир. гос. пед. ин-та, 1980. С. 66–91.
- Мутяева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 51–62.
- Мутяева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.
- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Отчет д-ра Г. Й. Рамstedта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1904. № 2. С. 11–14.
- Рошину Н. Традиционные формулы сказок. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1976. 438 с.
- Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- Хальмг туульс. I боть. Барт белдснь Санһжин Б., Санһан Л. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 х.
- Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.

References

- Alieva A. I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygskikh narodov* [Poetics and style of Adyghe fairy tales]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 280 p. (In Russ.).
- Basangova T. G. *Formula zhenskoy krasoty v kalmytskom fol'klore* [The formula of women's beauty in Kalmyk folklore]. *Zhivopis' kak znak kul'tury (O tvorchestvom nasledii narodnogo khudozhnika Rossii Garri Rokchinskogo)* [Pictorial art as a cultural marker ...]. Elista, Dzhangar Publ., 2004, pp. 171–173 (In Russ.).
- Basangova T. G. *Demonologicheskie personazhi v fol'klore kalmykov* [Demonic characters in the Kalmyk folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva online journal], № 2–3, 2011, pp. 269–278 (In Russ.). Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3794-basangova.html (accessed: 13 November 2016).
- Goryaeva B. B. *Kalmytskaya volshebnyaya skazka: syuzhetnyy sostav i poetiko-stilevaya sistema* [The Kalmyk magic fairy tale: plot structure and poetic stylistic system]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 128 p. (In Russ.).
- Goryaeva B. B., Bayanova A. T., Butaeva A. O., Kukanova V. V. *Freymtariy personazhey kalmytskoy skazochnoy traditsii (na primere skazok, zapisannykh G. J. Ramstedtom)* [The characters in the frame story of the Kalmyk fairy-tale tradition (the case study of tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2015, No. 2, pp. 128–140 (In Russ.).
- Kaushal M. *Syuzhetno-tematicheskiy fond, kompozitsiya i traditsionnye formuly indiysskikh i russkikh volshebnykh skazok v sopostavitel'nom osveshchenii. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [The corpus of plots and topics, structure and traditional formulas of Indian and Russian magic fairy tales: a comparative study. A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 1988, 19 p. (In Russ.).
- Medrish L. N. *O svoeobrazii russkoy skazochnoy traditsii: natsional'naya spetsifika skazochnykh formul* [On peculiarities of the Russian fairy tale tradition: national features of fairy tale formulas]. *Folklorная traditsiya i literatura* [Folklore tradition and literature]. Vladimir, Vladimir State Pedag. Inst. Press, 1980, pp. 66–91 (In Russ.).

- Mutlyayeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v tyurko-mongol'skom geroicheskom i skazochnom epose* [The motif of the main character's magic birth in the Turco-Mongol heroic and fairy-tale epic]. *Tipologicheskie i khudozhestvennye osobennosti «Dzhangara»* [Typological and artistic peculiarities of the Jangar]. Elista, Kalm. Book Publ., 1978, pp. 51–62 (In Russ.).
- Mutlyayeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v skazochnom epose mongol'skikh narodov i kalmytskom epose «Dzhangar»* [The motif of the main character's magic birth in the fairy-tale epic of Mongol peoples and the Kalmyk epic of Jangar]. *Epicheskaya poeziya mongol'skikh narodov. (Issledovaniya po eposu)* [Epic poetry of Mongol peoples]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, pp. 43–49 (In Russ.).
- Nadbitova I. S. *Syuzhety, obrazy i stilevyye traditsii kalmytskikh volshebnykh skazok* [Plots, characters and stylistic traditions of Kalmyk magic fairy tales]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 260 p. (In Russ.).
- Otchet d-ra G. J. Ramstedta za 1903 god [The 1903 report by G. J. Ramstedt]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Bulletin of the Russian Committee for Middle and East Asian Studies]. St. Petersburg, 1904, No. 2, pp. 11–14 (In Russ.).
- Roshiyanu N. *Traditsionnye formuly skazok* [Traditional fairy-tale formulas]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 216 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochno-slavyanskaya skazka / sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov* [The East Slavic fairy tale: a comparative directory of plots]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 438 p. (In Russ.).
- T. S. Tyaginovan *amn urn ügin körngäs. Fol'klornye materialy iz repertuara T. S. Tyaginovoy. Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N. G. Ochirovoy, sost., komment. B. B. Goryaevoy* [Folklore materials from T. Tyagina's repertory. Records of 2004–2010. Introd. by N. Ochirova, comp. and comment. by B. Goryaeva]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 208 p. (In Kalm. and Russ.).
- Khalimag tuuls. *I bot. Bart belsdn Saŋŋjin B., Saŋŋan L.* [Kalmyk fairy tales. Vol. 1]. Elista, Kalm. Book Publ., 1961, 220 p. (In Kalm.).
- Khusainova G. R. *Poetika bashkirskikh narodnykh volshebnykh skazok* [Poetics of Bashkir folk magic fairy tales]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 247 p. (In Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collected and edited by G. J. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Publ., 1909, 154 p. (In Germ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collected and edited by G. J. Ramstedt. Part 2. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Publ., 1919, pp. 155–237 (In Germ.).

**ВНУТРЕННИЕ МЕДИАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ КАЛМЫЦКИХ СКАЗОК
(на материале записей Г. Й. Рамстедта)**

Баира Басанговна Горяева¹, Виктория Васильевна Куканова², Александра Тагировна Баянова³, Айса Олеговна Долеева⁴

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baira79@yandex.ru.

² кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ заведующая, Научная библиотека им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

⁴ магистр, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные формулы калмыцких волшебных сказок. Внутренние медийные формулы сюжетно обусловлены и занимают значительное место в сказочном тексте, раскрывая главные образы и обобщая все важнейшие действия персонажей. Записанные Г. Й. Рамстедтом в начале XX в. сказки отражают поэтико-стилевую традицию калмыков. В текстах сказок широко присутствуют инициальные, медийные и финальные формулы. На основе классификации, предпринятой румынским ученым Н. Рошиану, в статье рассматриваются медийные формулы применительно к текстам калмыцких сказок.

Среди формул, определяющих образ сказочных персонажей или описывающих принадлежащие им предметы, в рассмотренных сказках отмечается формула красоты главного героя, *тенгрия*-небожителя. Наряду с этим в другой сказке присутствует эпизод, когда красота героини связывается с тем, что в нее вселяется *шулма*. Способность *шулмусов* превращаться в прекрасных девушек отражена в демонологических представлениях калмыков.

В проанализированных текстах наиболее широко представлены формулы, описывающие действия сказочных персонажей: формулы, указывающие долгий путь героя; формулы трудного задания; формула, передающая двойственность чувств персонажа; формула, отражающая мотив присутствия героя в ином мире; формулы награждения и наказания в двух вариациях. Типичные выражения отдельных сказочных персонажей составляют формулы, входящие в диалог.

В сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, отмечается «модернизация» (по Н. Рошиану) традиционных формул, так как сказочник использует понятие времени при преодолении пространства и пути. Процесс «модернизации» формул освещает изменения, произошедшие в социально-экономических условиях калмыцкого народа. При этом вариативность устойчивых стилистических конструкций с элементами «модернизации» находится в рамках устной традиции калмыцкого фольклора.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, сказка, запись, Г. Й. Рамстедт, традиционная формула, внутренние медийные формулы.